

УДК 398.1
ББК 82.3 (2Рос=Алт)

ПРЕДАНИЯ ТЕЛЕНГИТОВ ДОЛИНЫ ЭРЕ-ЧУЙ

К. В. Яданова

Теленгиты — этническая группа южных алтайцев. Большинство их проживает на юго-востоке Республики Алтай, в Улаганском и Кош-Агачском районах. Улаганские теленгиты расселены по долинам рек Чолушмана, Башкауса, Улагана. Кош-Агачские теленгиты живут по долинам рек Чуи, Аргута и, кроме общего названия *теленит* (теленгит), именуют себя по месту проживания *Чуй ичининг кишииси* (обитатель долины р. Чуй). Чуйскую долину местные жители называют *Эре-Чуй*. Существуют различные версии толкования значения этого топонима; по одной из версий, название долины переводится ‘Чуй с переливающимися [песками]’.

В фольклорной традиции теленгитов значительное место занимает несказочная проза. В жанрах устной несказочной прозы отражены традиционные верования, духовная культура, история народа. В народе общим термином *куучын / куучун* (устный рассказ) обозначают все жанры несказочной прозы. Очевидно, *куучын / куучун* — слово, заимствованное из монгольских языков. В. И. Рассадин считает, что монгольское прилагательное *qayısın* ‘старый, прежний’ в алтайском языке стало существительным ‘рассказ’ [Рассадин 1980: 22]. В алтайской фольклористике общепринятым термином является *кеп-куучын* — предание. Предание (*кеп-куучын*) — жанр несказочной прозы с установкой на историческую достоверность. *Кеп-куучын* сохраняет память о событиях и исторических деятелях. Вымысел в предании служит объяснению реальных фактов или их правдоподобию.

С 2004 по 2007 г. и в 2010 г. нами проводился целенаправленный поиск несказочной прозы теленгитов Кош-Агачского района в селах Курай, Чаган-Узун, Ортолык, Мухор-Тархата, Бельтир, Кош-Агач, Теленгит-Сортогой, Кокоря. Нам удалось собрать: топонимические предания (более 50 текстов), предания о камнях (9 текстов); предания о шаманских листовницах (15 текстов); предания о священных горах

— *ыйык* (3 текста); предания о потопах (10 текстов); этиологические предания о животных (25 текстов); предания о силачах (8 текстов); предания об алмысах (более 30 текстов); предания о родах — *сёдж* (более 10 текстов); предания о шаманах (*камах*) — (13 текстов); единичный образец предания о встрече с духом-хозяином Алтая; легенды о сотворении мира (2 текста); былички (более 10 текстов); устные рассказы о вихре — *түүнек* (4 текста); предания о магическом камне, используемом для влияния на погоду — *јада таш* (5 текстов); рассказы-воспоминания о заклинателях погоды — *јадачы* (2 текста); рассказы-описания обряда, направленного на управление погодными условиями — *јада* (3 текста) и др. Запись производилась на диктофон; фольклорные материалы хранятся в Архиве Института алтаистики им. С. С. Суразакова (ФМ № 513) и в личном архиве автора. Расшифровка и перевод текстов с языка оригинала на русский язык также сделаны нами.

Топонимические предания

Большинство наших записей составляют тексты преданий о местностях: Чолтыксой (3 текста), Балакан (6 текстов), Дьустыт (10 текстов), Дьаланаш (9 текстов), Сукманды (7 текстов), Курай (6 текстов), Абыйым боом (более 30 текстов) и др.

Местность Чолтыксой находится вблизи села Курай Кош-Агачского района. Топоним состоит из двух слов: *чолтык* (букв. ‘куцый, бесхвостый’) + *сойо* (‘трехлетний марал’). Рассказчики приводят предание с основным сюжетным ядром: в местности Чолтыксой охотник прострелил трехлетнему маралу *сойо* хвост, из-за этого местность назвали *Чолтыксойо* — ‘Трехлетний марал (*сойо*) с куцым хвостом (*чолтык*)’.

Топоним Балакан образован от *бала* (сущ. ребенок, дитя) + *аккан* (гл. утонул), букв. ‘утонул ребенок’. Местность расположена недалеко от села Теленгит-Сортогой Кош-Агачского района. Среди жителей распространено предание о Балакане, в ко-

тором говорится, что когда-то в реке утонул ребенок, поэтому название местности и реки стало *Бала аккан* — ‘утонул ребенок’.

Примерно в 11 км от села Ортолык находится местность *Дьустыт* (*Јустыт* — числит. *јус* ‘сто’ + сущ. *тыт* ‘лиственница’, т. е. ‘сто лиственниц’). Существуют несколько версий толкования топонима. Большинство исполнителей приводят предание со следующим основным ядром сюжета (10 текстов в нашей записи): в местности *Дьустыт* (*Јустыт*) во время некоей войны / несчастий спаслись / прятались сто человек, из-за этого её называли ‘Сто лиственниц’ — *Јустыт*.

В двух километрах от местности *Дьустыт* простирается долина реки *Дьаланаш* / *Елангаш* (алт. *Јаланаш*), которая имеет начало далеко на юге. *Јаланаш* / *јалангыш* / *јыланаш* в переводе с алтайского языка означает ‘голый, нагой’. Пояснения жителей о значении топонима *Јаланаш* / *Јалангыш* перекликаются с сюжетом предания о местности *Дьустыт*. В этой местности спасаются не просто люди, а ‘голые люди’ / ‘голый ребенок’.

В преданиях о местностях *Дьаланаш* (*Јаланаш* / *Јалангыш*), *Дьустыт* (*Јустыт*) отражены исторические события, «смутные времена» (по одной версии — время гражданской войны). Жители рассказывают, как мирное население, скрываясь там, спасло свою жизнь. В некоторых случаях топонимы выступают сюжетобразующим компонентом преданий, рассказчики пытаются объяснить их значения, исходя из названия самой местности.

Местность *Сукманды* расположена в 36 км к западу от Кош-Агача, вблизи поселения *Чаган-Узун*. По объяснению жителей, топоним состоит из двух лексем: глагола (II л., повел. накл., ед. ч.) ‘сук’ — ‘прячь, спрячь’ и имени *Манды*. Судя по записанным семи вариантам, местные жители дают одно и то же толкование: пастух, который жил в местности *Сукманды*, украл скот; когда пришли его обыскивать (в трех вариантах — милиционеры), он закричал своему сыну / жене по имени *Манды* / *Манъя*: ‘Сук, *Манды* / *Манъя*!’ — ‘Спрячь, *Манды* / *Манъя*!’. Из-за этого название местности стало «*Сукманды*».

Примерно в 18 км к западу от местности *Сукманды* находится село *Курай* (около 72 км от Кош-Агача). Нами записаны варианты и версии предания о местности *Курай*.

Одна из версий предания имеет следующее основное ядро сюжета: раньше в местности *Курай* жили тувинцы / один человек; выпало очень много снега, и весь их скот пал; тувинцы / один человек с проклятием: ‘Будь *кубакай Курай*’ / ‘*Кокумай Курай*’,¹ — покидают то место.

В преданиях о *Курае* повествуется о суровых климатических условиях этой местности, неудобных для содержания скота, особенно в холодную, снежную зиму. Возможно, предание относится к началу XIX в., когда люди еще не заготавливали много сена на зиму и терпели из-за этого большой урон в скотоводческом хозяйстве.

Приблизительно в 40 км к западу от районного центра, между населёнными пунктами *Курай* и *Чаган-Узун*, расположена местность *Абыйым боом*. О. Т. Молчанова в топонимическом словаре указывает: «*Абым-Боом* — гора; п[равый] бер[ег] р. Чуи выше *Курайской степи*». Здесь же приводится объяснение слова *абым* / *абум* (алт.) — ‘мой отец, мой батюшка; мой старший брат’ [Молчанова 1979: 114]. Словом *боом* (*ноом*) в алтайском языке обозначают узкое место между горой и рекой, где пролегает дорога, а также скалистый обрыв, крутой обрывистый берег [Там же: 30].

Самая ранняя запись предания о местности *Абыйым боом* была сделана В. В. Радловым во время одной из его поездок в Кош-Агач (1860, 1865 гг.) и опубликована в «Образцах народной литературы тюркских племен...» [Образцы 1866: 171]. После В. В. Радлова топонимическое предание об «*Абым-бом*» записал Г. Н. Потанин через переводчика и поместил в трех вариантах в четвертом выпуске «Очерков Северо-Западной Монголии» [Потанин 1883: 214–215]. Со времен Г. Н. Потанина и до наших дней предание об *Абыйым боом* не записывалось. На протяжении летних сезонов 2004–2007 гг. нами проводился опрос среди жителей Кош-Агачского района. Выяснилось, что многие жители до сих пор знают это предание и охотно его рассказывают. Благодаря этому нам удалось зафиксировать более тридцати вариантов предания в поселениях *Курай*, *Чаган-Узун*,

¹ *Кубакай* — от алт. ‘куба’ — ‘бледный, бледно-желтый’. Слово ‘куба’ имеет также значения: ‘голый, скудный’. Голую, скудную растительностью, выжженную солнцем степь называют ‘куба чөл’. *Кокумай* / *кокумай* — ‘дурной, плохой’.

Ортолык, Мухор-Тархата, Бельтир, Теленгит-Сортогой, Кокоря. Самая дальняя точка бытования топонимического предания в пределах района — это *юрт* (село) Кокоря, находящийся приблизительно в 70 км от Абыйм боома.

В вариантах у В. В. Радлова, Г. Н. Потанина и у нас во всех вариантах повторяется основное ядро сюжета: девушка / невеста, одетая в шёлк / в девять слоёв шёлка / в девятислойный халат из шёлка, по дороге замерзает в местности Абуум / Абым / Абыйм боом / поом.

В десяти современных записях, в отличие от ранних (В. В. Радлова и Г. Н. Потанина), появляется ещё один персонаж, который сопровождает дочь бая / зайсана, — бедный слуга / слуги / бедняк в «рваной», «потрепанной» шубе. Если девушка, одетая в «девять слоёв шёлка» / в «халат из девятислойного шёлка», в местности Абыйм боом замерзает, то со слугой / слугами ничего не случается.

Примечательны записи от одного и того же исполнителя. Уже в первой записи (2003 г.) событие описывается как состязание дочери бая с бедняком. Рассказчик тверд в своей версии, в повторной записи через год снова приводит этот же сюжет, но не указывает время события. По словам В. Г. Яданова, он слышал это предание от своей бабушки родом из Улаганского района [Яданова 2006: 53].

Предание о местности Абыйм боом дошло до нас со времен В. В. Радлова, правда, с некоторыми утратами (не во всех вариантах присутствуют топонимы, имена персонажей) и с переосмыслениями: появляется персонаж, противоположный по социальной принадлежности дочери богача, — бедняк / слуга, возникает версия предания (состязание дочери богача с бедняком).

Нам удалось выявить ареал бытования топонимических преданий. Степень знания жителями топонимических преданий о местностях Чолтыксой и Сукманды ограничивается одним селением: предание о местности Чолтыксой известно жителям Курая, о Сукманды — жителям Чаган-Узуна.

Предания о местностях Дьустыт (Жестыт), Дьаланаш (Жаланаш / Жалангыш), Балакан, Курай, Абыйм боом рассказывают в разных селах Кош-Агачского района. Вероятно, они бытуют среди населения уже давно.

Предания о камнях

В селах Кош-Агачского района нам удалось зафиксировать предания о камнях богатыря Сартакпая (5 текстов) и предания о камне с заклитием — *каргышту таш* (4 текста).

Мифический герой Сартакпай (Сартактай, Сартакай, Сартакбан) известен от Западной Монголии до Горного Алтая. С его именем связывают возникновение географических мест. Он прокладывает русла рек, оставляет отпечатки следов на камне / на почве, брошенный им камень до сих пор лежит в какой-либо местности. Вероятно, имя богатыря Сартактая / Сартакпая возникло от *сарт* — названия земледельческого племени Средней Азии. Возможно, какие-то алтайские роды имели связи с сартами. Жители показывают в разных местах Кош-Агачского района большие камни, которые Сартакпай метал в лису; камень, на котором богатырь сушил потник своей лошади; камни, брошенные Сартакпаем вслед сыну и невестке, и рассказывают предания, связанные с этими камнями.

Мотив «появления холмов, возвышенностей от бросания камней великаном / богатырем» известен в устном творчестве многих народов. В алтайском фольклоре самый распространенный сюжет — о построении моста Сартакпаем. По одной из версий предания, Сартакпай со своим сыном строит мост через реку Катунь. Мост был уже почти готов, Сартакпай просит, чтобы сын не спал с женой. Сын нарушает запрет, Сартакпай не может достроить мост, который разрушается. Богатырь, рассердившись, бросает камни вслед сыну и невестке.

Варианты и версии предания зафиксированы В. В. Радловым [Образцы народной литературы... 1866: 170], Г. Н. Потаниным [Потанин 1883: 286–287] и др. В тексте у В. В. Радлова Сартактай, очевидно, рассердившись на сына, «...положил камень в подол и бросил вверх к небу» — «...ташты äдäктäйиб-алды, таңарäя öрö чачыб-йді...». Нас заинтересовал в этом предложении глагол (*ташты*) *äдäктäйиб-алды* — букв. **положил** (камень) **в подол** (именной глагол, образован от сущ. *эдек* — ‘подол’), т. к. этот глагол, несмотря на большой временной отрезок, встречается в последующих записях (в тексте в записи Г. Н. Потанина и в нашей записи от В. С. Ундулганова в с. Чаган-Узун) [Личный архив автора].

Предание о богатыре Сартакпае дошло до сегодняшнего дня. В памяти рассказчиков сохранились, с некоторыми переосмыслениями, мотивы, детали предания, которые присутствовали в тексте почти двести лет назад (названия мест, глагол действия *эдектепит* и др.). Это говорит о некоторой устойчивости, традиционности фольклорного текста.

В преданиях о богатыре Сартакпае прослеживаются сюжеты разного времени, очевидно, произошла циклизация вокруг данного персонажа. В нем слились образы великана, бросающего камни, богатыря-силача, строящего мосты, культурного героя / устроителя земель. Для подробного анализа преданий о богатыре Сартакпае нужно продолжить поиск вариантов и версий в обширном ареале — от Алтая до Западной Монголии.

В селе Мухор-Тархата нами записаны предания о камне с заклятием — *каргышту таш*, который, по словам рассказчиков, находится в местности Шинбашы² Кош-Агачского района. Камень *каргышту таш* навис на скале; по преданию, камень упадет, когда случится несчастье. Некоторые рассказчики утверждают, что камень обрушился в 2003 г. во время сильного землетрясения в Кош-Агачском районе. Предания о камне с заклятием — *каргышту таш*, по-видимому, можно отнести к разряду эсхатологических преданий, устных рассказов-прорицаний о бедствиях и болезнях.

Предания о шаманах (камах)

Предания о шаманах (*камах*) записаны нами в основном в 2004–2005 гг. (13 текстов). Рассказчики утверждают, что раньше почти в каждой деревне были свои *камы*. Настоящего имени шаманов люди не называли — боялись, хотя в народе известны и их истинные имена. В селе Ортолык бытует цикл рассказов о *камах*: Курай эдые (алт. Курай эје), Алтын Тон (Золотая шуба; *алтын* — букв. ‘золото, золотой’; *тон* — ‘верхняя одежда, шуба’).

Шаманка Курай эдые (букв. сестра Курай) примерно в 1960-е гг. переселилась в село Ортолык из села Курай Кош-Агачского района, поэтому жители называли ее *Курай эје*. Настоящего имени шаманки многие

² Шинбашы (Чинбашы) — местность находится далеко на юге от Кош-Агача. Чынг / шин — алт. глухой, шынг јер — глухомань; башы — зд. в значении ‘верховье, начало’.

даже не знают, тем не менее рассказывают о ней, будто шаманка посредством своих духов-помощников помогала поймать бандитов, обладала чудесными способностями оборотничества, превратившись в молодую девушку, устраивала скачки и т. д.

Предания о шамане Алтын тоне объясняют, как *кам* приобрел свое имя. По одной версии, *кама* Алтын тона заключили в тюрьму, тот же чудесным образом вышел из заточения, гулял на улице / сидел на заваulinке тюрьмы. Его привели к священнику, который попросил отпустить шамана домой, подарил ему расшитую золотом одежду. Шамана назвали «Золотая шуба» — *Алтын тон* [Яданова 2013: 111–113]. Сюжет о чудесном освобождении шамана из тюрьмы — один из распространенных в алтайском фольклоре: шамана сажают в тюрьму, через некоторое время обнаруживают, что *кам* ходит на свободе (сидит на крыше тюрьмы / на дереве).

По другой версии, силу шамана испытывает священник в «позолоченной ризе»: бросает *кама* в костер, тот вылетает из костра, не сгорев; священник отпускает шамана. Шаману дают имя *Алтын тон*. По словам исполнителя, Тебекова Анчы Сергеевича, *кам* Алтын Тон — его прадед по матери [Личный архив автора].

Сюжет об испытании шамана сожжением на костре распространен на Алтае и в Монголии. Некоторые исследователи видят в этом сюжете отражение исторических событий, имевших место в период Джунгарского ханства, когда монгольские правители усиленно насаждали среди своих подданных буддизм и преследовали служителей шаманского культа [Подузова, Сагаляев 1983: 111–114].

Традиционные верования теленгитов сохранились до настоящего времени. Шаманы, «знающие люди» — *неме билер улус* (букв. ‘нечто знающие’) выступают основными хранителями народных обычаев, традиций и верований. Они участвуют в проведении свадебных, похоронных обрядов, являются посредниками между человеком и духами его предков. Почти у каждого алтайца в роду кто-нибудь из родственников был шаманом. Поэтому на вопрос: «У вас в роду были *камы*?», — в большинстве случаев рассказчик отвечает утвердительно и начинает свой рассказ о предке-шамане.

Предания — *кеп-куучындар* прочно вошли в местную фольклорную традицию.

Значительная часть преданий носит топонимический характер: предания о местностях, о камнях, о священных лиственницах, о священных горах — *ыйык*. Они представляют собой короткие сюжетные повествования. *Кеп-куучындар* этиологического характера о животных объясняют особенности внешнего вида, поведения животного: почему верблюд оглядывается, когда пьет воду, как сурок — *тарбаган* стал зверем и т. д.

Устные народные рассказы сохранили память о далеких предках, о силачах — *бөккөлөр*, о шаманах — *камах*. Они рассказывают о происхождении родов (*сөбөктөр*)

и племен. Эти предания локализованы, связаны с местами, где развернулась деятельность исторического лица / персонажа.

Записи несказочной прозы теленгитов Кош-Агачского района (2004–2007 гг. и 2010 г.) представляют богатый материал духовной культуры алтайского этноса. Сюжетный состав преданий теленгитов значителен. Генетически родственные сюжеты обнаруживаются в тюрко-монгольской фольклорной традиции, типологически сходные параллельные формы встречаются и у других народов.

Литература

Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтай. отд. Алтай. кн. изд-ва, 1979. 398 с.

Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1866. Ч. 1. 410 с.

Подузова С. А., Сагалаев А. М. Из истории шаманства на Алтае // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск: Наука, 1983. № 6. Вып. 2. С. 111–114.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883. Вып. IV. 1025 с.

Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 114 с.

Яданова К. В. Несказочная проза теленгитов / Науч. ред. Ю. И. Смирнов. М.: Тип. ООО «РЕЖАНС», 2006. 128 с.

Яданова К. В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтай. тип.», 2013. 256 с.

Личный архив автора

References

[The author's personal archive]. (In Russ.)

Molchanova O. T. [Toponymic Dictionary of the Mountain Altai]. Gorno-Altai: Altai. Book Publ., 1979. 398 p. (In Russ.)

Poduzova S. A., Sagalaev A. M. [From the History of Shamanism in Altai]. *Bulletin of Siberian Branch of USSR Academy of Sciences. Ser. Social Sciences*. Novosibirsk: Nauka, 1983. No. 6. Iss. 2. Pp. 111–114. (In Russ.)

Potantin G. N. [Essays of North-Western Mongolia]. St. Petersburg: Print. shop of V. Kirshbaum, 1883. Vol. IV. 1025 p. (In Russ.)

Rasadin V. I. [Mongolian-Buryat Borrowings in Siberian Turkic Languages]. Moscow: Nauka, 1980. 114 p. (In Russ.)

[Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungar Steppe, Collected by V. V. Radlov]. St. Petersburg: Print. shop of Imp. Acad. of Sciences, 1866. Part 1. 410 p. (In Russ.)

Yadanova K. V. [Fables, Legends, Stories of Telengits from the Ere-Chui Valley]. Gorno-Altai: Gorno-Altai. tip., 2013. 256 p. (In Russ.)

Yadanova K. V. [Non-Fairytale Prose of Telengits]. Yu. I. Smirnov. Moscow: REZHANS, 2006. 128 p. (In Russ.)